

КОММУНИЗМ КАК ПРАКТИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ ЛЕВЫМ [ЫХ]

(размышления в связи с «Размышлениями...»

Славоя Жижека и не только)

*Бузгалин Александр Владимирович –
д.э.н., заслуженный профессор МГУ
им. М. В. Ломоносова, главный
редактор журнала «Альтернативы»*

Поводом для написания этого текста стала книга С. Жижека «Размышления в красном цвете» (М.: Европа, 2011). Поводом не случайным: о коммунизме как практической

повестке дня [для] левых я пишу уже более 20 лет, а Жижек мне интересен как один из очень немногих левых интеллектуалов Запада (он из Словении, но культурно почти западноевропеец), кто всерьез способен ставить проблемы коммунизма, кто может в чем-то позитивно использовать наследие Ленина, кто, наконец, всего лишь на 90% поглощен постмодернистским интеллектуальным «дискурсом» большинства левых Западной Европы и США. От последних Жижека отличает едва ли 10%, но именно их и не прощают Жижеку его коллеги по цеху, и именно этим он интересен мне. Отсюда тема: Жижек в его «бытии-для-иного» – для постсоветского критическо-марксиста – или почему и как надо исследовать проблему коммунизма.

1. Жижек в его «бытии-для-иного»: коммунизм как актуальная проблема (место введения)

Стилистически и структурно новая книга Жижека походит на предыдущие работы этого автора, сохраняя всю столь характерную для него атрибутику. Он пишет так и о том, как и что он хочет даже не сказать, а говорить, размышляя вслух, вспоминая, находя любопытные ассоциации, примеры, обращаясь к предшественникам и коллегам, вставляя длиннющие и общеизвестные – но при этом уместные – цитаты из Маркса...

(Длинные фразы в скобках посреди моего текста – это тоже от Жижека...).

Такой текст по форме вполне адекватен названию («Размышления...»; в буквальном переводе с английского – «рефлексии...») и явно предназначен для массового потребителя левой интеллектуальной литературы: это чтение неумолимое (книга написана в легком, «играющем» ключе), занимательное (пересказы кинофильмов, стихи, поучительные примеры из современной политической жизни и малоизвестные исторические феномены, смешные анекдоты), познавательное (много интересных цитат из современных авторов и «ученых» слов, обращения то к Канту, то к Гегелю, то к Библии...). При этом все эти вставки не смотрятся украшениями: они

«работают» на основную идею книги, но работают не-прямо и занимательно. В общем, можно с пользой провести время, сидя после лекций у себя в кабинете и потешить свое неудовлетворенное политическое либидо левака, не вставая с мягкого дивана. В конце концов можно даже рассердиться, когда Жижек неопределенно, но р-радикально призывает интеллектуала к (о ужас!) дисциплине и действию.

При этом в книге нет ни серьезного анализа практики социальной борьбы последних десятилетий, ни сколько-нибудь вразумительных программно-политических выводов (они были бы не к месту в абстрактно-философском тексте, но ведь автор специально весь свой пафос критики направляет именно на политическую беззубость типичного западного левого интеллектуала). Зато много игры в определенную позицию. Впрочем, с точки зрения постмодерниста и того, что все же довольно определенно сказал Жижек, более чем достаточно, чтобы изгнать его из сонма «своих». А сказал Жижек немало такого, что заслуживает пристального внимания и уважения.

В своем тексте я поступлю с этой книгой как типичный постсоветский ретроград: я (1) превращу этот *текст* в концепцию; (2) вопреки всем амбициям постмодернизма структурирую ее, и (3) постараюсь выделить в ней четкую логику решения интереснейшей *проблемы*, то и дело обнаруживающей себя в потоке жижековского текста – проблемы (4) *коммунизма*. Это будет некоторое насилие над автором «Размышлений...». Насилием хотя бы потому, что эту логику я позаимствую из классического марксизма (у Жижека в книге встречается немало разных «марксов» и «марксизмов») советского образца. Не сталинского, критического, но советского и классического. При этом данное насилие над текстом Жижека будет обратно тому, что столь прельщало Ж. Делеза, желавшего сзади и в извращенной форме вывернуть автора наизнанку. Не верите? Прочитайте внимательно широко цитируемый отрывок Делеза (его не случайно воспроизводит В. Кутырев, но последний не делает таких жестких выводов, как мы): «В то время меня не покидало ощущение», – признается Делез в своем отношении к предшественникам, – «что история философии – это некий вид извращенного совокупления или, что то же самое, непорочного зачатия, и тогда я вообразил себя подходящим к автору сзади и дарующим ему ребенка, но так, чтобы это был именно его ребенок, который притом оказался бы еще чудовищем. Очень важно, чтобы ребенок был его, поскольку необходимо, чтобы автор в самом деле говорил то, что я его заставляю говорить»¹.

Я предлагаю нечто абсолютно иное: *прямой диалог двух субъектов*. И в этом диалоге я хочу показать, что Жижек как мыслитель это *еще и* интересное дополнение классической марксистской теории коммунизма, как она складывается в рамках школы критического постсоветского марксизма.

¹ Кутырев В. А. Философия постмодернизма. Нижний Новгород: Издательство Волго-Вятской академии госслужбы, 2006. С. 22.

Я в полной мере понимаю, что западного читателя и самого Славоя Жижека – если до них когда-либо случайно дойдет этот текст – этакое прочтение данной книги покоробит. И правильно покоробит: диалог, как его точно раскрыл Михаил Бахтин, предполагает распремечивание работы автора в ее (его) специфике, а не выуживание из него удобных для подгонки под твои идеи цитат. Но в то же время и неправильно: я не собираюсь ни подо что подгонять Жижека. Я хочу воспользоваться его интеллектуальными достижениями для развития нашего интеллектуального пространства, показав, *что можно увидеть в этом авторе с позиций современного постсоветского критического марксизма*. Разбором же Славоя Жижека как феномена «в себе и для себя» пусть занимаются другие. Тем более, что этот словенский автор на меня не обидится, ибо об этом просто не узнает: левая интеллектуальная Россия сейчас слишком глубокая периферия, чтобы обращать внимание на одного из ее представителей...

* * *

Я уже заметил, что само по себе внесение коммунизма в поле актуальных интеллектуальных проблем есть с точки зрения едва ли не большинства западных левых преступление. Или – если посмотреть с другой точки зрения – подвиг. И в этом смысле Славою Жижек – интеллектуальный герой. Без каких-либо шуток или постмодернистского ерничания.

Герой, ибо на Западе, несмотря на активно там пропагандируемые академизм и беспристрастность, даже в среде интеллектуалов понятие «коммунизм» большинством воспринимается как синоним... сталинской диктатуры и ГУЛАГов. Не то чтобы они не знали, что теоретическое *понятие коммунизма так же далеко от практики репрессий в СССР, как идеи христианства от практики инквизиции*. Нет, теоретически они это знают. Но практически отождествляют эту великую теоретическую парадигму с практикой партий, называвших себя коммунистическими в странах Мировой социалистической системы (в их терминологии – «коммунистического блока»).

Но для большинства – не значит для всех. Есть небольшая, но устойчивая и сильная интеллектуальная традиция в рамках троцкизма (среди его разных течений мне наиболее знакома и близка школа, идущая от Эрнеста Мандела и Даниэля Бен-саида), есть время от времени возникающие коммунистические интенции в рамках одной из сильнейших левых партий современной Европы – Лево́й партии ФРГ², есть коммунистические интенции (иногда без этого самоназвания) в новых социальных движениях в Латинской Америке и Азии, много чего есть.

² Симптоматична в этом отношении статья сопредседателя Лево́й партии Гезине Летцш «Путь к коммунизму», опубликованная 3 января 2011 года в газете "Junge Welt" и наделавшая много шума в ФРГ.

Жижек не случайно всего этого «не замечает», а если и замечает, то походя. Не случайно, ибо во всех этих случаях разговор о коммунизме ведется спокойно, всерьез, без анекдотов, экзальтаций и [псевдо?] философской игры в «контексты». Так Жижек говорить не хочет (не умеет?), и отчасти он прав: серьезный разговор о коммунизме на не-постмодернистском языке большинство левых интеллектуалов просто не услышит. Они эти «частоты» не воспринимают, ибо услышь они их, и им придется размышлять прежде всего не о Боге, Сексе, Самоубийстве, Деконструкции и Детерриториализации, а о том, как помочь рабочим наладить производство на оккупированной фабрике, студентам и профессорам – отбить очередную попытку приватизировать университет... О том, почему, в какой мере, как [не?] поддерживать Чавеса в его практических международных проектах... Этого им лучше не слышать. Это слышат «другие» левые и Запада, и Востока: те, кто каждый день ведут черновую коммунистическую работу, те, кто живут как коммунисты, даже если этим словом себя не называют. Но этих чернорабочих (а они не менее интеллектуальны, чем высоколобые профессора, и книги пишут не менее серьезные, только вы их не найдете в библиографии постмодернистских гуру...) наиболее известные левые интеллектуалы просто не замечают.

Жижек в этом неявном противостоянии оказывается где-то в промежутке. В чем-то даже как бы посредником, «переводчиком» с языка практики (стратегии и тактики все время идущей борьбы) на язык постмодернистских «дискурсов» и обратно. И этим он интересен. Но не только. Он интересен еще и тем, что вносит нечто новое в проблему коммунизма.

И именно об этом пойдет ниже речь. Но с точки зрения не «в-себе-бытия» Жижек, а его диалога с критической советской и постсоветской марксистской традицией, для которой коммунизм всегда представлял как актуально-практическая, а не только абстрактно-философская тема.

Посему ключом к структуре наших «размышлений в коммунистическом дискурсе» станет идущее от самого Маркса (и Энгельса) понимание коммунизма как «царства свободы», покоящегося как на своем фундаменте на «снятом» «царстве необходимости», причем снятом в точном гегелевском смысле – диалектического отрицания-наследования³.

Как таковой **коммунизм есть** (1) пространство-время (1.1) свободной (1.2) творческой деятельности, «всеобщего» (К. Маркс) труда и (2) ассоциированного социаль-

³ Мне показалась весьма странной проводимая Жижекком параллель между гегелевским понятием «снятие» (Aufhebung) и «вычитанием» Бадью (Жижек, с. 372). Снятие у Гегеля – это в первую очередь критическое наследование, развитие через отрицание, т. е. нечто принципиально отличное от «вычитания» в любой его трактовке.

ного творчества, соединяющего индивидов в (3) работающие добровольные ассоциации и тем самым (4) снимающего отношения социального отчуждения во всем их многообразии. Снимаются отношения отчуждения Человека (как родового существа – Маркс, Лукач) от (4.1) природы, (4.2) общества, (4.3) другого человека (обеспечивая свободное гармоничное развитие личности) и (4.4) мира культуры. И это снятие, как заметил еще Маркс, есть (5) не некий заданный идеал, а «бесконечный процесс становления».

Это понимание коммунизма, повторю, было очевидно для критического советского марксизма, равно как и для многих ученых на Западе (от Д. Лукача и А. Грамши до Б. Оллмана и И. Мессароша⁴). Но оно довольно быстро перестало быть очевидным, чему немало способствовали крах «Мировой социалистической системы» и переход большинства левых теоретиков на позиции постмодернизма. Между тем в предложенной системе параметров коммунизма есть своя, достаточно прозрачная классическая логика: изменение содержания человеческой деятельности – изменение общественных отношений по всему их спектру (социальное освобождение, снятие отчуждения) – изменение Человека как *summa summagum* этого процесса. Эта логика и станет для нас «путеводной нитью», указывающий дорогу к решению проблемы практической актуализации темы «коммунизм».

2. Коммунизм как практика

2.1. Снятие интеллектуальной частной собственности и эксплуатации творческой деятельности как практическая стратегия

Следствием-предпосылкой тезиса (1) был очевидный для нас с университетской скамьи феномен противоположности всеобщего (творческого) труда и рынка, частной собственности, эксплуатации. Творчество как труд изначально-всеобщий и потому «по генезису» не частный не может с этой точки зрения быть базисом товарного производства (рынка); как труд, в котором результат и целеполагание (опять же «по генезису») неотделимы от субъекта, не может быть отчуждено и потому не может быть объектом эксплуатации; как индивидуализированная деятельность всего человечества, впитывающая весь (в потенции) мир культуры, не может быть создателем частной собственности...

⁴ Эти авторы почти одновременно, в конце 1960-х – начале 1970-х годов опубликовали содержательные марксистские работы по проблемам отчуждения (См.: Meszaros I. *Marx's Theory of Alienation*. L., 1970; Ollman B. *Alienation*. N.Y., 1971).

Все это было раскрыто в работах советских (и западных) марксистов-шестидесятников⁵, и мы широко использовали и развивали эти положения в своих работах на протяжении последних 20–30 лет⁶, выводя из этого ряд практически актуальных следствий, которые касались прежде всего тех иррациональных, неадекватных новому содержанию деятельности форм социальной организации, которые порождает поздний капитализм, пытающийся подчинить себе эти новые, собственно коммунистические феномены. Так в повестку дня наших работ вошли проблемы снятия эксплуатации творческого труда и частной интеллектуальной собственности.

Сразу замечу, что эти проблемы очевидны и для современных западных исследователей. Так, Жижек со ссылкой на Маркса (слава богу...) и Негри (естественно, нельзя же, открывая новое видение коммунизма, ссылаться на работы своих учителей полувековой давности...) довольно подробно (и явно радуясь этому новому взгляду) рассматривает несовместимость интеллектуальной деятельности с эксплуатацией и частной собственностью, связывая это (правда не слишком жестко и определенно) с проблематикой коммунизма. Более того, в отличие от Бадью, автор «Размышлений...» видит и то, что коммунизм есть прежде всего вне-экономический (политически-эгалитарный), я бы сказал, постэкономический проект – проект, снимающий «падающий мир» экономики⁷.

⁵ См. коллективную работу «Проблема человека в марксистской философии» (М., 1969), а так же работы: Вазюлин В. А. Логика истории. М., 1974; Межуев В. М. Культура и история. М., 1976; Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. М., 1979 и др.

⁶ См.: По ту сторону отчуждения. М., 1990; Бузгалин А. В. По ту сторону царства необходимости. М., 1998; Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества. М., 1998;

⁷ «Отрицание Бадью экономики как просто части «ситуации» (данного «мира» или положение вещей) опирается на его руссоистско-якобинскую ориентацию, в силу чего он остается верным дуализму противостояния гражданина и буржуа: буржуа, преследующего свои интересы, то есть «человеческого животного», вынужденного «обслуживать товары», против гражданина, преданного универсальности политической Истины. Этот дуализм приобретает у Бадью почти гностические черты – как противоположность между коррумпированным «падшим миром» экономики и духовной Истиной. Чего здесь не хватает, так это чисто марксистской идеи Коммунизма, чья суть как раз состоит в том, чтобы подобный статус экономики – это не вечное, универсальное онтологическое условие существования человека, что можно радикально изменить функционирование экономики, так что она более не будет сводиться к взаимодействию частных интересов – раз Бадью игнорирует это измерение, он должен свести Идею Коммунизма к политически эгалитарному проекту» (Сл. Жижек. Размышления в красном цвете: коммунистический взгляд на кризис и сопутствующие предметы. М.: Издательство «Европа», 2011. С. 219–220.)

Между тем, на наш взгляд, именно здесь тема коммунизма звучит на удивление ясно и четко: мир культуры – это мир *собственности каждого на все* (этот тезис является едва ли не очевидным для критического постсоветского марксизма вот уже более 20 лет; в настоящее время его активно развивает в нашей стране В. М. Межуев⁸). *Каждый* может (в меру своих способностей к распределению) быть собственником *всего* в мире культуры: романов Толстого и пьес Шекспира, теоремы Пифагора и рычага... «Технических» ограничений здесь нет, культурные ценности – это неограниченные «ресурсы». Соответственно, «собственность» на них может и должна быть непосредственно-всеобщей, т. е. собственно коммунистической. Вот почему *борьба против частной собственности* (вообще собственности) *на информацию* (интеллектуальной частной собственности) *в этом смысле есть собственно коммунистическая повестка дня*. И это для левых должно быть самоочевидно. Самоочевидно настолько, чтобы стать одним из программных требований не только некоторых социальных движений и НПО, но и левых партий (что, к сожалению, есть правило далеко не для всех из них).

Конечно же, Жижек, Негри и подавляющее большинство других левых интеллектуалов *эту повестку дня* прекрасно знают. Но! Далеко не все (1) понимают, что это *коммунистическая повестка дня* (и Жижек здесь приятное исключение) и (2) связывают это с *практикой борьбы очень разных общественных движений* (вплоть до латиноамериканских безземельных крестьян). Иными словами далеко не все из них показывают, что борьба за коммунизм (отмену интеллектуальной частной собственности как один из его аспектов) есть *сегодняшняя социальная практика* (а здесь Жижек, к сожалению, *не исключение*).

Продолжим: тезис о коммунизме как обществе, основанном на творческой деятельности, ставит нас перед проблемой, которую не впервые, но точно формулирует Жижек: *если интеллектуальный* (я бы сказал – творческий⁹) *труд не может быть объектом эксплуатации и есть база для нового мира* (здесь Жижек почему-то ссылается на авторитет Негри, хотя он далеко не первый увидел эти связи), *то почему же тогда «постмодернистский капитализм»* (Жижек использует также термины Рифкина «культурный капитализм» и Гейтса «капитализм без тренировок») *столь успешно акцентирует эти переросшие его материальные предпосылки?*

Вопрос поставлен точно, а вот вразумительного ответа у Жижека не видно. Он в очередной раз убегает в «размышления»... Между тем, по меньшей мере, гипотеза

⁸ См., например, текст этого автора в коллективной монографии «Социализм-21» (М., 2009).

⁹ Западный интеллектуал не случайно боится понятия «творческий»: творчество и постмодернистское безразличие к Истине, Красоте и Добру плохо совместимы...

ответа на этот вопрос есть, и она прямо опирается на два классических положения марксизма: о *диалектике взаимодействия* производительных сил и производственных отношений – первое, и о диалектике скачка из «царства необходимости» в «царство свободы» – второе. В первом случае требуется развитие традиционных представлений об этой диалектике до понимания того, что *стадия «заката» способа производства*, его самоотрицания внутри прежней системы может быть *весьма продолжительна и нелинейна в своей динамике*.

Это уже не столько классический, сколько относительно (двадцатилетней и более давности) новый советский и постсоветский марксизм, имеющий (я уверен) свои параллели и в других странах. Именно закат старой системы и порождает феномены развития иррациональных старых форм (в частности, производственных отношений, институтов) нового содержания (технологического базиса новой системы). Примеры этого в истории достаточно известны (крепостные фабрики в России, рабство в капиталистической Америке и т. п.), и здесь нет непреодолимых препятствий для марксистской теории. Есть исследовательская задача: показать, как и почему произошел переход к иррациональным формам старой системы, а не к новым отношениям новой. Применительно к современной эпохе это вопрос о том, *почему капитализм смог ответить на вызовы революционных подвижек в технологиях XX–XXI веков, а революционные силы – нет*.

(Другое вопрос – сколь успешен этот ответ «позднего» капитализма; по мнению автора этих строк, Жижека и многих наших товарищей – не успешен: «постмодернистский капитализм» – это путь в тупик).

Ответ на этот вопрос лежит, на мой взгляд, во втором известном марксистском положении: о *генезисе коммунизма как переходе не просто к новому способу производства, и даже вообще не к способу производства, а к новому типу общественно-го бытия – «царству свободы», «истории», снимающей все «царство [экономической] необходимости», всю предысторию, а не только капитализм*. Иными словами, генезис нового общества должен решить проблему снятия всех форм [социального] отчуждения, а не только капиталистической эксплуатации. Не-решенность *этой* грандиозной задачи и стала причиной самосохранения капитализма – таков ответ автора этих строк, но не Жижека.

(Замечу: Жижек видит эту проблему; правда, в частном ее измерении: как проблему решения капитализмом задач, поставленных парижским взрывом 1968 года, причем задач все же частных – альтернатив старой фабричной дисциплине, старой семье и т.п.¹⁰).

¹⁰ «Протесты 1968 года были сконцентрированы на борьбе против того, что считалось тремя столпами капитализма: фабрики, школы, семья. В результате каждый из этих институтов оказался подвержен постиндустриальным преоб-

Тем самым мы не решили, но переформатировали вопрос: *коммунизм определяется как проблема снятия социального отчуждения, а не просто как пост- или даже анти-капитализм.*

2.2. Ассоциированное социальное творчество:
коммунизм как практика сознательного изменения мира

Эта постановка вопроса не нова – как я уже отметил, ей более 50 лет. Однако ее настойчиво «забывают» левые постмодернистского толка и лишь походя иногда упоминает Жижек, хотя пишет – много и хорошо, но уходя в частности, примеры, иллюстрации, «рассказывание историй», – по сути дела именно об этом. Любопытно при этом, что, в отличие от самого Жижека, те авторитеты, на кого он ссылается, почти не видят едва ли не *самого главного в коммунизме: процесса непосредственного творения истории ассоциированными индивидами.* Причем не видят они его там, где оно наиболее ярко себя проявило в прошлом – в Парижской коммуне, в Октябрьской революции и энтузиазме социалистического созидания в СССР, в мировом коммунистическом движении. И это не случайно: *там* европейскому интеллектуалу его видеть нельзя – это mauvais ton. Всем известно, что СССР и компартии – это сталинизм и ГУЛАГ (а про Парижскую коммуну лучше просто забыть – на всякий случай).

Надо отдать должное Славою Жижеку: он не совсем такой. Он прямо пишет о революционном освобождении, он вспоминает аж пару раз Парижскую коммуну, он ранее написал книгу «13 опытов о Ленине» (М., 2003), в которой едва ли не 10% текста посвятил действительно Ленину, причем в основном в позитивном смысле. Но и его гораздо больше интересует революция на Гаити двухсотлетней давности. Спору нет, это очень интересный, важный и малоизвестный исторический феномен прямого социального творчества, но это все же не главное революционное событие последних столетий. Так почему же Гаити? Я, к сожалению, подозреваю, что главная причина этого – экзотичность данного примера, а не то, что эта революция (по мнению Жижека) была более французской и более революцией, чем взрыв 1789 года в самой Франции. А уж 1968 год (причем только парижский – весь остальной мир, даже «Пражская весна», где-то потерялись) для Жижека – априори главная и вечная тема.

разованиям: фабричный труд отошел на второй план, в развитом мире он претерпел реорганизацию по модели постфордистской, неиерархической командной работы; публичное университетское образование все больше вытесняется постоянным и гибким приватизированным образованием; традиционная семья уступает место многообразным формам сексуальных отношений, строящихся на гибкой основе. Левые упустили победу: непосредственный противник был разгромлен, но его сменила новая форма более прямого капиталистического господства» (Сл. Жижек. Указ. соч. С. 387–388.)

Почему? Потому, что это едва ли не последнее революционное выступление в Европе? Или потому, что это «тема тем» для его читателей?...

Вернемся к *социальному творчеству*.

Этот феномен для меня принципиально важен, ибо он указывает на *вырастание коммунизма из всей социально-освободительной борьбы человечества*. И здесь я готов искренне пожать руку автору «Размышлений в красном цвете» за то, что он (пусть в странно-кокетничающей постмодернистскими словечками форме – Жижек иначе говорить почти не умеет) подчеркивает преемственность социально-освободительной борьбы всех революционеров и социальных творцов прошлого, их внутреннюю связь с «бесконечным процессом становления» коммунизма¹¹. Другое дело, что «предыстория» коммунизма, долгий путь совместного творения истории силами социального освобождения, и его «история» – коммунизм как новый мир, основанный на непосредственном ассоциированном социальном творчестве, – это не одно и то же. И о втором говорить одновременно и сложнее и важнее, ибо это и есть главный предмет *наших* «размышлений».

Однако сначала о важной проблеме, вне которой понятие социального творчества оказывается не более чем красивым термином, – о проблеме т. н. «экономического детерминизма» и *свободы*. На Западе принято много писать о «разных Марксах», о различии Маркса и марксизма (в России сейчас эта мода тоже дает себя знать – не случайна в этом смысле вышедшая в 2008 году книга Вадима Межуева «Маркс против марксизма») и т. п. Жижек в этом смысле не оригинален: взяв несколько различных цитат Маркса, он нашел у него и «историко-эволюционистский детерминизм», и творение истории Человеком. Сие и позволило ему сделать очередной вывод о различии Маркса и марксизма. Не уходя в вопросы эволюции взглядов Маркса (а они, конечно же, изменялись), я хотел бы подчеркнуть тот инвариант, который сложился в критическом марксизме моей Родины и который отчетливо виден в работах и самого Маркса, и многих его последователей – от Владимира Ульянова и Розы Люксембург до Дьердя Лукача и Эвальда Ильенкова. Этот инвариант – *диалектика противоречивой связи двух сторон «предыстории», мира отчуждения. С одной стороны, человек в этом мире есть продукт и функция объективных исторических законов. С другой – творец истории*. Оба этих утверждения истинны одновременно и в одном и том же отношении. Объективные законы определяют «красную нить» истории; но в той мере, в какой мы, познавая эти объективные и господствующие над нами

¹¹ Лишь в этом контексте мне кажутся важными размышления Жижекa о революции рабов 200-летней давности на Гаити, о «коммунистических» восстаниях в исламском мире 1000-летней давности, о кантовском и гегелевском энтузиазме в связи с Французской революцией... (Жижек, с. 354–362).

законы, способны «спрямлять» своим сознательным воздействием «зигзаги истории», – в этой мере мы позитивно свободны. И не от истории, а для истории.

(Я понимаю, что высоколбый интеллеktуал, прочтя эти строки, должен прийти в ужас: этот пост-советский монстр Буггалин, живя до сих пор в мире азов истмата, не знает, что всем уже давно известно: нет не только прогресса, но Истины; большие нарративы в прошлом; задача интеллеktуала – деконструкция и детерриториализация всего и вся; все что сверх этого, – пережиток сталинизма...).

Хочу подчеркнуть: Жижек отражает эту проблему – проблему «логики» истории и ее зигзагов (Жижек, с. 210–218). Более того, он признает возможность сознательного воздействия на исторические процессы. Но в конечном итоге он оказывается перед проблемой: история идет в направлении упрочения «культурного» капитализма, а не его смены новым миром. Столкнувшись же с этой проблемой, он говорит: тем хуже для истории! Да здравствует свобода от Истории – таков вывод Жижека.

Я предлагаю иной вывод: да здравствует познание законов истории (а не позитивистское отображение текущего тренда как «истины» исторического процесса в последней инстанции) и свобода для Истории! Такой взгляд, не игнорирующий силу теории и ее способность находить [относительную] истину, а использующий их, позволяет показать, что современные формы адаптации капитализма к информационной революции есть (1) все еще исключение¹² и (2) «зигзаг» истории, уводящий человечество с ее «красной линии» в сторону.

Возьму на себя смелость утверждать¹³, что «красная линия» истории – это (даже если пока оставаться на только уровне «производительных сил») движение к миру **креатосферы**, где не интеллеktуалы, но занятые творческой деятельностью работники составляют большинство и где заняты они преимущественно в таких сферах, как:

¹² В сноске: они еще только возникают. Приводимые Жижекoм примеры «культурных» корпораций, тратящих аж миллионы долларов на решение экологических и гуманитарных проблем – это капля в море современного капитализма, это всего лишь тысячные доли того, что продается и инвестируется в мире. Да и Майкрософт со товарищи, при всей их значимости для интеллеktуального труда, – это всего лишь несколько процентов мирового валового продукта и менее процента занятых. Большая часть мирового капитализма – это все еще индустриальный труд и море фиктивных посредников, прежде всего – финансовых, а не «культурные» продавцы «смыслов». Хотя я согласен с многочисленными предшественниками Жижека в том, что это растущий и наиболее важный для анализа сегмент глобального капитала.

¹³ Обоснование этих положений автора содержится в работах А. И. Колганова и автора этих строк «Глобальный капитал» (М., 2004, 2007) и «Пределы капитала» (М., 2009).

- обучение и воспитание для всех и через всю жизнь (от детского сада и до пенсионеров, бесплатные университеты для которых уже сегодня открыты в Белоруссии);
- обеспечение здорового образа жизни для всех и через всю жизнь, включая здравоохранение, массовый спорт и т. п.;
- искусство во всем его многообразии и во всех сферах жизни человека, открытое для каждого;
- рекреация природы;
- социальная [само] рекреация (прежде всего – «отверженных»);
- инженерное, техническое и научное творчество (новаторство и рабочих, и высокопоставленных ученых, занятых фундаментальной наукой);
- хранение, обработка и обеспечение общедоступности информации (от библиотек и музеев до новых форм Интернета...);
- участие в управлении обществом на всех уровнях; соиздание, развитие и упрочение институтов «демократии корней травы»...

И это далеко не полный перечень тех сфер деятельности, где без ограничений могут быть заняты те самые 80% населения, для которых якобы нет сферы приложения в современном мире постиндустриальных технологий. Это *совершенно иное решение проблемы «20-80»*, о которой не может не упомянуть ни один уважающий себя интеллигент последних десятилетий и которую, естественно, упоминает и Жижек (Жижек, с. 346). На место поставленного постмодернистским капитализмом вопроса, как занять 80% якобы излишнего в условиях бурного развития постиндустриальных технологий населения, генезис коммунизма ставит другой: *как насытить творчески-активными и профессионально-грамотными работниками вечно нуждающиеся в дополнительной занятости перечисленные выше «отрасли» креатосферы*. Переформулируем этот вопрос: как обеспечить такую систему общественных отношений, когда приоритетным станет развитие общедоступной творческой деятельности в таких сферах, как образование, здравоохранение и т. д. *В потенции мир [коммунизма] может иметь структуру экономики, в которой 20% будет занято в материальном производстве (сельском хозяйстве, промышленности, транспорте, утилитарных услугах и т. п.), а 80% – в креатосфере...*

Движение к такому обществу – это не утопия. Это *логика* истории. А вот общество, в котором большая часть работников (как сегодня в развитых странах) занята в сфере транзакций (я ее назвал «*превратным сектором*»¹⁴) – посредничества, создающего в лучшем случае безобидные симулякры, в худшем – военно-промышленные и финансовые пузыри, поглощающие и уничтожающие огромные

¹⁴ Понятие введено в названной выше работе автора этого текста и А. И. Колганова «Глобальный капитал».

трудовые и материальные ресурсы (об этом Жижек пишет страстно и убедительно), – это зигзаг исторического процесса, уход в сторону с магистрального пути развития, заданного логикой прогресса творческого содержания человеческой деятельности, логикой разрешения противоречия между Человеком и Природой, логикой социального освобождения. Вот почему содействие сворачиванию превратного сектора и развитию креатосферы есть (даже с чисто «технологической» точки зрения) содействие прогрессу, социальное творчество для, не против Истории. Соответственно, *обеспечение приоритетного развития креатосферы, общедоступной творческой деятельности, социальное творчество, этому содействующее и капиталу противодействующее, и есть важнейший компонент практики генезиса коммунизма.*

Прежде чем отвечать на вопросы, кто и как может осуществлять и осуществляет эту деятельность сегодня, обращусь к опыту моей Родины – СССР. В работе Жижека есть интересный и справедливый пассаж, повторяющий разработки многих моих коллег по постсоветскому пространству, западных, китайских и т. д. ученых: Советский Союз погубили новые производительные силы, информационная революция. Этот тезис верен, но односторонен. Моей стране (и стране, в которой родился Жижек) был присущ удивительный парадокс. Если на время абстрагироваться от социально-политической стороны вопроса, то окажется, что мир *«реального социализма» успешно создавал (хотя до конца и не создал) многие элементы креатосферы, т. е. материальных основ коммунизма, будучи не в состоянии создать материальные основы развитого капитализма.* Если посмотреть на период послесталинской «оттепели» (период «строительства материально-технической базы коммунизма»), то окажется, что у нас опережающими темпами развивались:

- одно из лучших в мире общедоступное бесплатное образование всех уровней;
 - здравоохранение, обеспечивавшее при всех его проблемах продолжительность жизни на уровне наиболее развитых стран (хотя наш ВВП на душу населения был в несколько раз меньше, чем в этих странах);
 - массовая тяга к настоящему искусству (миллионные тиражи классики и современных изданий: Хемингуэй, известный в СССР больше, чем в США; Шекспир, которого ставили лучше, чем в Англии, десятки тысяч людей на поэтических вечерах во дворцах спорта – все это результаты, до сих пор не доступные ни одной развитой стране);
 - прорывы в области фундаментальной науки, космоса...
-

Все это и есть *СССР-будущее*, СССР как страна, сумевшая показать (пусть в превратной форме «мутантного социализма»¹⁵), что *приоритетное развитие креатосферы* возможно и дает замечательные результаты (одно из первых мест в мире по Индексу человеческого развития) даже в относительно бедной стране.

Другое дело, что был и СССР-прошлое: страна с дефицитом модных джинсов и всего тремя сортами колбасы, с сотнями диссидентов в психушках и идеологической цензурой. И про это нельзя забывать. Но если 50 лет назад именно об этом надо было говорить в первую очередь, то сегодня видеть в СССР *только это* уже банально и не талантливо.

2.3. По ту сторону государства: свободная добровольная работающая ассоциация как абстракция практически-актуальных форм снятия государства

Проблемой проблем во всех размышлениях о коммунизме остается вопрос о *субъекте* – о том, *кто* способен осуществлять движение к «царству свободы». На абстрактном уровне марксистский ответ есть (был?) известен: свободная добровольная работающая ассоциация. В условиях борьбы за коммунизм – класс наемных рабочих, организованный как политический субъект и представленный левой партией.

Надо отдать должное Славою Жижке: он не воспроизводит «мантру» постмодернистских левых интеллектуалов последних десятилетий о необходимости отказа от «якобински-ленинской» парадигмы централизованной диктаторской власти (отождествление ленинизма с якобинством, централизмом и диктатурой – типичный миф *этих* левых, но не Жижек), от представлений об освободительной миссии рабочего класса и партии авангардного типа. Более того, он предлагает эту мантру перевернуть, утверждает, что сегодня левые нуждаются в некоторой дозе «якобински-ленинской» парадигмы (Жижек, 366).

Так же и в вопросе о государстве, организации и дисциплине: во всех этих случаях Жижек весьма оригинально и со специфическими оговорками предлагает «перевернуть», казалось бы, уже принятые положения и в позитивном смысле говорит о необходимости противопоставить ставшему *не-миром* глобальному капитализму структурированность и дисциплину левых, у которых «нет права отделяться, отходить от государства»¹⁶. Подчеркну: это скандальное (с точки зрения типичного левого

¹⁵ Это понятие раскрыто автором в книгах «Будущее коммунизма» (М., 1995) и «10 мифов о СССР» (М., 2010, совместно с А. И. Колгановым).

¹⁶ «Моя догадка состоит в следующем: если сегодняшний динамичный капитализм, в особенности поскольку он «безмирный», представляет собой постоянное разрушение установившегося порядка, то тогда он открывает путь для революции, которая разорвет порочный круг переворотов и восстановления порядка; иными словами, революция более не будет принимать обычную форму событийного взрыва, после которого ситуация возвращается к нор-

профессора Запада) заявление, лежащее, пожалуй что, уже за рамками приличий «цивилизованного» интеллектуального сообщества, мне в принципе кажется верным, хотя и до крайности неопределенным, ориентированным скорее на эпатаж, нежели на конструктивное решение проблемы.

А проблема есть, причем и теоретическая, и практическая: *авангардные левые партии в конце XX века себя дискредитировали. Парламентские левые партии* (я говорю о европейских коммунистах и их аналогах в других странах; социал-демократы для меня и Жижека – не левые) *находятся в состоянии полураспада*, хотя некоторые исключения есть в Германии, Португалии и др. Новые социальные движения, ярко заявив себя в 2000-е, сейчас ослабевают...

Не менее сложна и проблема отношения левых к государству: старые идеи диктатуры пролетариата и отмирания государства никого не устраивают. Новые постмодернистские интеллектуальные концепты бытия-вне-государства на практике оборачиваются строгим подчинением всем нравственно-правовым установлениям буржуазного сообщества...

Рефлектируя по этому поводу, Жижек справедливо подчеркивает: левый интеллектual вот уже не одно десятилетие *ждет*, когда же появится реальный субъект борьбы, возлагая надежды кто (по-прежнему) на пролетариат, кто на студенчество,

мальному положению. Отныне перед ней будет стоять задача установления нового «порядка» в противоположность глобальному капиталистическому порядку. От восстания мы должны без всякого стыда переходить к установлению нового порядка.

(Разве это не один из уроков, которые нам нужно извлечь из происходящей ныне финансовой переплавки?)

Поэтому, если мы хотим сделать коммунистическую Идею вновь актуальной, для важнее всего будет сосредоточиться на капитализме: нынешний «внемировой» динамичный капитализм радикально меняет самое направление борьбы коммунистов. Враг уже не государство, основы которого нужно расшатывать с позиций существующей в нем напряженности, а непрерывный поток его самореволюционизации.

Отсюда я хотел бы вывести две аксиомы, касающиеся отношений государства и политики:

- 1) Провал коммунистической государственно-партийной политики – это прежде всего провал антигосударственной политики, попыток разорвать налагаемые государством ограничения, заменить государственные формы организации «прямыми» непредставительскими формами самоорганизации (Советами).
 - 2) Если мы не представляем себе, чем заменить государство, у нас нет права отделяться, отходить от государства» (Сл. Жижек. Указ. соч. С. 374–375.)
-

кто на интеллектуалов, кто на крестьянство третьего мира или «отверженных»¹⁷. В пику этому *ожиданию* Жижек предлагает левым интеллектуалам парадоксально-правильное решение: Мы – это те, кого мы ждали. Ожидать, что кто-то выполнит работу за нас, – это способ оправдать собственное бездействие. При всей своей правильности это решение, однако, остается у автора «Размышлений...» довольно невнятным: ну и что мы можем/должны делать? Жижек в конечном итоге приходит к тому, что в условиях «постмодернистского» капитализма история идет против нас, а мы (левые) должны идти против истории и стать... волюнтаристами¹⁸.

¹⁷ «Разве не лежит подобный нарциссизм в основе подходов, разрабатываемых левыми академическими кругами, где считается, что теоретик подскажет, что именно следует предпринять; ведь когда они отчаянно ждут действий, а как действовать эффективно не знают, они ожидают Ответа Теоретика... Конечно, такой подход ложен сам по себе; он подразумевает, что Теоретик знает магическое заклинание, которое выведет ученых из практического тупика. Здесь возможен только один правильный ответ: если вы сами не знаете, что делать, никто вам не даст совета, и Дело погубило безвозвратно.

Тупик этот не нов: крупнейшая, определяющая проблема западного марксизма – это отсутствие революционного субъекта. Почему рабочий класс не завершил переход от своих внутренних проблем к защите своих интересов и не утвердил в себя в качестве революционного агента? Это проблема нам представляется основной причиной обращения марксизма к психоанализу именно в поисках объяснений бессознательных механизмов действия либидо, которые препятствуют росту классового сознания, внутренне присущего самому существованию (социальному положению) рабочего класса. Таким образом утверждается истинность марксистского социально-экономического анализа, и «ревизионистские» теории подъема средних классов и так далее лишаются почвы. По этой же причине западный марксизм пребывает в непрерывном поиске других социальных субъектов, которые смогли бы сыграть роль революционных агентов и послужить заменой бессильному рабочему классу: это крестьянство «третьего мира», студенты, интеллектуалы, деклассированные элементы...» (Сл. Жижек. Указ. соч. С. 332.)

¹⁸ «Левым интеллектуалам, которые с нетерпением ждут появления новой революционной силы, которая смогла бы осуществить давно чаемые радикальные социальные преобразования, можно дать лишь один ответ – вспомнить пророчество старика-хопи, совершившего в стиле Гегеля изумительный диалектический прыжок от субстанции к субъекту: «Мы – те, кого мы ждали».

(Это высказывание напоминает афоризм Ганди: «Будьте сами переменами, которые вы хотели бы увидеть в мире».)

Ожидать, что кто-то выполнит работу за нас, – это способ оправдать свое бездействие. Но здесь нужно не попасть в ловушку извращенного самооправдания: «Мы – те, кого мы ждали» не означает, что мы должны понять, насколько мы те, кому предназначено судьбой (исторической необходимостью) вы-

На самом деле ответ на этот вопрос – вопрос о субъекте социального творчества – есть. И лежит он в русле «красной линии» истории – русле движения к «царству свободы». И потому это ответ сугубо коммунистический по своей сути: *субъект созидания коммунизма – добровольная работающая свободная ассоциация социальных творцов, познающих законы общественного развития*. И если для кого-то понятие такой ассоциации остается теоретическим иероглифом, то для сотен тысяч и миллионов людей, участвующих в деятельности новых социальных движений и прогрессивных НПО, реально работающих профсоюзов, АТТАК и местного самоуправления, левых партий, – для всех них это давно и хорошо известная повседневность. Что такое движение безземельных крестьян (МСТ) или работников оккупируемых фабрик в Латинской Америке, выдвинувших и реализующих лозунги «Сопровитляйся! Оккупируй! Производи!»? Это (1) добровольное, (2) самодеятельное (возникшее снизу и поддержанное левой интеллигенцией) объединение людей, осуществляющих прямое действие, направленное (3) против базовой моральной и правовой нормы капитализма (неприкосновенность частной собственности) и состоящее в (4) совместном созидании новых социально-экономических форм (5) производства. Все ключевые признаки теоретической модели коммунистической ассоциации здесь налицо. И таких примеров в «сети сетей» новых социальных движений сотни и тысячи¹⁹.

Конечно же, во всех этих случаях мы видим лишь *противоречивые зародыши* коммунистических ассоциаций, но для нас сейчас важно не столько дать критику их несовершенства (что очень важно для практической – словом и делом – помощи этим структурам), сколько увидеть в них зародыш будущего.

В этом плане показателен и пример Советов, возникших в России еще в период Первой русской революции 1905–1907 годов. Жижек в целом негативно воспринимает этот опыт, аргументируя свою позицию скорее методологически: Советы были частью авторитарной системы СССР, и они погибли вместе с ней, следовательно, они сами по себе не жизнеспособны²⁰.

полнить эту задачу. Напротив, это означает, что нет Другого, на кого можно было бы положиться. Вопреки классическому марксизму, где «история на нашей стороне» (пролетариат исполняет предписанную ему судьбой задачу всеобщего освобождения), в сегодняшних обстоятельствах большой Другой против нас: наша внутренняя настроенность, будучи предоставленной самой себе, приводит к катастрофе, к апокалипсису, и предотвратить катастрофу может только чистый волонтаризм, то есть наше свободное решение противостоять исторической необходимости» (Сл. Жижек. Указ. соч. С. 396.)

¹⁹ Подробнее об этом в статье Э. Боуман и Р. Стоуна «Сопровитляйся! Оккупируй! Производи!» в журнале «Альтернативы» (2011, № 1).

²⁰ Сл. Жижек. Указ. соч. С. 376.

Логика у него в данном случае та же, что и в случае с взаимодействием производительных сил и производственных отношений капитализма, пролетариата и буржуазии как двух классов этого способа производства. И логика эта такова: нет «дурных» и «хороших» сторон противоречия, нельзя сохранить капиталистические производительные силы, просто устранив капиталистические производственные отношения. Нельзя построить власть пролетариата, всего лишь уничтожив буржуазию как класс. Нельзя сохранить Советы, уничтожив «реальный социализм». В некотором смысле, Жижек прав в этих своих утверждениях: в диалектических противоречиях нет «хороших» и «плохих» сторон. Но этим правильным утверждением отнюдь не исчерпывается диалектика сложных социальных систем.

Производительные силы, развитые капиталом, конечно же, не просто «высвобождаются» из оков капитала. Снятие капитала есть снятие и капиталистических производственных отношений, и капиталистических производительных сил – этому меня учили в МГУ на первом курсе еще в 1972 году. Для советского студента (тем более профессионала-марксиста) было очевидно, что по мере генезиса новой общественной системы и производительные силы должны кардинально изменяться (не только прогрессируя иначе, но и изменяя свою структуру, определенность, «конфигурацию»: капиталистическая индустрия и индустрия, служащая одним из первоначальных элементов базиса возникающего «царства свободы» – это две разных индустрии; кстати, во многом повторяющая капиталистическую конфигурация производительных сил СССР эпохи сталинизма стала одной из причин воспроизводства отчуждения работника от общества в условиях «реального социализма»). Такое кардинальное изменение при переходе к коммунизму должны претерпеть и производительные силы возникающего постиндустриального капитализма (технологические основы последнего, структура его экономики, типы организации труда и управления).

Точно так же и с пролетариатом: Маркс 150 лет назад обосновал вывод о том, что первый же шаг к освобождению труда станет первым шагом снятия пролетариата как класса, что класс наемных рабочих – это класс, который ставит своей задачей свое уничтожение как класса, и что в этом смысле это универсальный класс (все это я тоже сдавал еще на первом курсе, и все это прямо написано у Маркса; надо быть Жижekom, чтобы в подтверждение этой азбуки марксизма сослаться на... личное письмо, полученное им от турецкого литературоведа²¹).

Ситуация с Советами сложнее. Диалектику их рождения и мутации в условиях «реального социализма» Жижек наверняка знает, но почему-то игнорирует. Возможно, ради афористичной красоты своих умозаключений о том, что Советам как части тупикового сталинского проекта нет места в процессе рождения коммунизма. Но Советы не были частью «сталинского проекта». Более того, сталинщина привела к их

²¹ См.: Сл. Жижек. Указ. соч. С. 375–376.

мутации и вырождению в авторитарный государственный механизм особого типа. Возникали же Советы как система базисной демократии, рожденной энергией низового социального творчества.

Так же рождалось и отмирающее государство Парижской коммуны, так же рождались и рождаются по всему миру десятки других образований, которые могут служить практическим опытом генезиса отмирающего государства и рождающейся низовой демократии. Но если признать правомерность этого опыта (равно как и интереснейшего опыта рождения «демократии корней травы» в странах Латинской Америки, вплоть до опытов последнего десятилетия в Венесуэле, Боливии и т. д.), то рухнет вся дальнейшая постмодернистская риторика о новой необходимости государства как «мира», противостоящего «детерриториализации» в условиях постмодернистского капитализма, ибо последняя делает врагом не государство, а постоянные самоизменения капитала, который ныне «внемирен» и внеструктурен. Добавив к этому утверждение о том, что провал коммунистической государственно-партийной политики (почему Жижек вслед за всеми неумными антисоветчиками сталинской поры называет сталинскую модель «коммунизмом» я, честно говоря, просто не понимаю...) – это провал Советов как попыток разорвать налагаемые государством ограничения (это Сталин их, что ли, разрывал? А если не Сталин, то причем здесь модель Советов?), сложив все это, Жижек делает важный в для его «размышлений» вывод: у нас нет права «отходить от государства»²². Правда, чуть ниже он дает другую формулировку: надо не дистанцироваться от государства, а «заставить само государство функционировать в негосударственном ключе»²³.

Между этими двумя формулировками Жижека есть, однако, глубокое противоречие. Первая – попытка вновь апеллировать к государству (Жижек дополняет ее апелляциями к дисциплине и организованности). Вторая – почти буквальное и абсолютно не новое утверждение, повторяющее почти дословно выводы Маркса и Ленина о том, что рождение коммунизма делает государство отмирающим, «не государством в полном смысле слова», изменяет природу и функции государства. Как именно? – это тоже известно. Опыт, – весьма противоречивый, но реальный, – есть. Так к чему было весь огород городить?

А я скажу, к чему: признать правоту классического марксистского подхода к проблеме государства после полувековых попыток найти альтернативу этому подходу, предпринимавшихся среди давно уже ставших старыми «новых левых», маоистов, а так же постструктуралистских, постмодернистских и иных пост-... левых интеллектуалов, – нельзя. Ибо это означает расписаться в бессилии не только собственном, но и всех нынешних «гуру» левых запада. Продолжать же постмодернистские игры в

²² См.: Сл. Жижек. Указ. соч. С. 375.

²³ Там же.

«детерриториализацию» Жижек не позволяет его действительно коммунистическая научная позиция. И Жижек дает вызывающе-провокативный (для его среды) ответ: государство левым нужно. Особенно как альтернатива глобальному постмодернистскому капитализму с его действительно нарастающей дезорганизованностью.

Собственно, такой ответ не нов. Более того, он стар и идет от консервативного крыла социалистов. И он совершенно никак не сходится с выдвигаемой самим же Жижекком альтернативой: коммунизм или [государственный] социализм.

Но если у Жижека решения проблемы, чем заменить государство, нет, и он считает, что его ни у кого нет²⁴, то он неправ: у практики левого движения и осмысливающих ее левых теоретиков он есть; сошлюсь хотя бы на конструктивный анализ опыта самоорганизации новых социальных движений Кристофа Агитона и нашу книгу «Кто творит историю» (М., 2010), а также на многочисленные в среде западных и немногочисленные в среде пост-советских марксистов разработки по проблемам базисной демократии. И это ответ, адекватный вызовам сетевой динамичной модели глобального мира. И это коммунистический по своей сути ответ: альтернативой государству и надгосударственным институтам глобального капитала *становятся* работающие добровольные свободные ассоциации, связанные в альтерглобалистские сети.

Подчеркну: только становятся, только возникают, причем возникают (как и все новое) в *переходных* формах, несущих на себя значительную печать старого (бюрократизма, «государственности»); возникают в недрах старой системы (государств и других институтов власти капитала) и одновременно в борьбе с ней; возникают, неизбежно мутируя под воздействием этого окружения и этой борьбы. Впрочем, иногда они возникают и при помощи относительно прогрессивных государств (например, в Латинской Америке), хотя эта помощь старого тоже деформирует новое. Да, это только тенденция. Да, это только первый фрагментарный опыт. Да, он, как правило, деформирован от рождения, мутантен.

Да, это все так. Но для того и даны настоящему ученому сила теоретической абстракции и диалектический метод, чтобы суметь увидеть в этом «гадком утенке», придавленном и запачканном курами и индюками птичьего двора современного капитализма, будущего прекрасного лебедя коммунизма. Зачем же спешить объявлять теоретическую капитуляцию?

2.4. Снятие социального отчуждения: борьба за природу, общество, человека и культуру как коммунизм

У Дьердя Лукача в его «К онтологии общественного бытия» (М., 1991) активно обсуждается тема Человека как родового существа и отчуждения его родовой сущно-

²⁴ Там же.

сти – деятельности, ее предмета, результата, субъектности. В принципе это постановка проблемы принадлежит даже не Лукачу, а Марксу, правда, преимущественно молодому Марксу, Марксу, писавшему о Человеке, натурализации человека и гуманизации природы и тому подобных материях в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» и других работах того времени. Идея коммунизма как снятия этого отчуждения – это тоже Маркс, хотя и не только Маркс.

Но вот Жижек бы, наверное, отнесся к идее такого снятия скептически, возразив: опять вы хотите «высвободить» некую «сущность» из плена капитализма! Это не диалектика. И формально он был бы прав в своем возражении. Формально. Ибо по существу и у Маркса, и у Лукача, и у автора этих строк речь идет не об эмансипации некоего «естественного» начала человека, а о том, что генетически-всеобщая определенность Человека как особой системы, снимающей предшествующее развитие природы, есть его *деятельностно-общественная сущность* (тезис, подробно развитый в работах Леонтьева, Ильенкова²⁵ и их последователей). И деятельность эта генетически определяется как творчески-преобразующая и общественная. Родается она в отчужденных формах, характерных для эпохи, названной Марксом и Энгельсом «царством необходимости», предысторией Человека, и иначе родиться не может. Системным качеством этого «царства» и является отчуждение от Человека его деятельности, его общественных связей, природы, другого человека, его самого (*самоотчуждение*) и культуры.

Соответственно, коммунизм в этом контексте определяется не как «высвобождение» некой родовой сущности, а как переход Человека в новое качество его общественного бытия – в мир, лежащий «по ту сторону царства необходимости» (Маркс), как процесс *разотчуждения*²⁶. Логика этого снятия достаточно прозрачна: отношения отчуждения (насилие и рынок, рабство и капитал, войны и государство), бывшие до сей поры системой противоречий, двигавших вперед деятельность Человека (рост производительности труда) и его самого (рост населения и продолжительности жизни), культуру Человека и меру его независимости от природы, – эти противоречия становятся тормозом дальнейшего развития всех этих параметров. «Человек отчужденный» упирается в тупик:

- рост производительности труда оборачивается прогрессом симулякрлов;
- Человек как биологический вид переходит к грани генетического и/или атомного и т. д. самоуничтожения;
- независимость от природы оборачивается разрушением биосферы;

²⁵ См.: Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975; Ильенков Э. В. Философия и культура. М., 1991.

²⁶ Понятие введено в научный оборот Л. А. Булавкой в ее работе «Социалистический реализм. Превратности метода» (М., 2007).

- культура деградирует в масс-культурное ничто...

Эти процессы давно известны. Их подробно расписывает и Жижек. Но для нас они важны как эмпирические свидетельства истинности *выведения*, а не просто постулирования необходимости разотчуждения, т. е. коммунизма (в данном случае я не разотчуждение определяю как коммунизм, а коммунизм как разотчуждение; я вслед за десятками крупнейших мыслителей вывожу необходимость снятия социального отчуждения и этот процесс определяю как коммунизм, ничего предварительно не постулируя).

Что здесь важно?

Что коммунизм выводится из пределов не только капитализма (как это делало и делает большинство левых интеллектуалов), но и всей предыстории Человека (как это делали Маркс, Энгельс и десятки моих советских и зарубежных учителей).

(Кстати, именно этот взгляд на процесс современных трансформаций – а именно их определение как нелинейного перехода из «царства необходимости» в «царство свободы», а не просто от капитализма к социализму – и есть главная *differentia specifica советской и постсоветской школы критического марксизма*).

Здесь требуется оговорка: Славой Жижек видит эту грандиозномасштабность проблемы коммунизма и его не-тождественность снятию капитализма. Видит, но развивает в традиционном для западных левых эко-антропо-апокалиптическом ключе²⁷.

²⁷ Вот как С. Жижек (со ссылкой на Негри) характеризует четыре ключевых антагонизма глобального капитализма: «Сегодня единственный настоящий вопрос нужно сформулировать следующим образом: приветствуем ли мы наступившее доминирование капитализма, или же сегодняшний глобальный капитализм содержит в себе достаточно антагонизмов, что его неограниченное воспроизводство оказалось невозможным? Имеются в виду антагонизмы четырех типов: нависшая над горизонтом угроза экологической катастрофы, неуместность распространения понятия частной собственности на так называемую интеллектуальную собственность, социально-этические приложения новых научно-технологических достижений (в особенности в области биоэнергетики) и – не в последнюю очередь – новые формы апартеида, новые Стены и трущобы. Что касается последнего обстоятельства, существует качественная разница – пропасть, отделяющая изгоев от членов общества. Внутри трех других оппозиций находятся области, которые Хардт и Негри определили как «общины» – общую субстанцию нашего общественного бытия, присвоение которого является актом насилия, требующим сопротивления, при необходимости силового:

культурные общины, непосредственно социализируемые формы «когнитивного» капитала, в первую очередь – язык, средства коммуникации и образования, а также такие коллективные инфраструктуры, как общественный транспорт, энергосистемы, почта и т. п. (Если бы Биллу Гейтсу было предоставлено право на монополию, мы бы попали в абсурдную ситуацию, когда

Нельзя сказать, что он в этом не прав. В выборе предмета он скорее прав. Гораздо более сомнительны его весьма неопределенные представления о путях решения коммунизмом этих глобальных проблем. Между тем, *логика разрешения (снятия) глобальных противоречий (противоречий «царства необходимости» как целого) и есть логика генезиса «царства свободы». И это ключ к пониманию природы и путей решения т.н. «глобальных проблем» современности.* Причем не только теоретически, но и практически.

Поиск путей решения проблем экологии (их Жижек описывает подробно и не скупясь на апокалиптические акценты) в этом контексте оказывается проблемой нахождения путей генезиса коммунизма, ибо решение экологических проблем предполагает не что иное, как снятие отчуждения Человека от Природы. Эти проблемы могут решаться более или менее реформистскими/радикальными методами: от минималистских шагов типа предельных уровней загрязнения и других [меж]государственных экологических норм до «эко-ориентированных» форм организации производства, образа жизни и этики или даже методов «прямого действия». Они могут вызывать дебаты о [не]возможности последовательного решения проблем диалога человека и природы в условиях, когда социальная система продолжает покоиться на таких столпах отчуждения как насилие, рынок и капитал. Они могут иметь (и имеют) разную содержательную интерпретацию... Однако во всех своих проявлениях они есть генезис иных, ориентированных на снятие отчуждения процессов и в этом (но и только в этом!) смысле есть генезис коммунизма, как минимум – его зародыши в недрах старой системы.

(Любопытно в этой связи используемое Жижекком выражение Дипешу Чакрабартти о том, что ныне люди – это «сила природы в геологическом смысле»²⁸. Этот тезис – тезис о превращении Человечества в мощнейшую геологическую силу – был не просто выдвинут, но развит и доказан более 70 лет назад в работах выдающегося со-

программная ткань нашей базовой коммуникационной сети в буквальном смысле оказалась бы в руках частного лица);

общины внешней природы, находящиеся под угрозой вследствие загрязнения и эксплуатации (от нефти до лесов и природной среды обитания вообще); общины внутренней природы (биогенетическое наследие человечества) – вследствие возникновения новых биогенетических технологий реальной перспективой стало в буквальном смысле создание Нового Человека путем изменения человеческой природы.

Общая черта всех этих конфликтов – осознание деструктивных тенденций, вплоть до полного самоуничтожения человечества в том случае, если капиталистическая логика названных общин получит свободу развития. (Сл. Жижек. Указ. соч. С. 335–336.)

²⁸ См.: Сл. Жижек. Указ. соч. С. 295.

ветского биогеохимика и философа Владимира Вернадского. Замечу: он тогда же сделал вывод о том, что логика развития взаимодействия Человека и Природы и логика коммунизма в главном едины²⁹. Этот вывод был хорошо знаком советским ученым, в том числе социальным философам и политэкономам, уже с 60-х годов прошлого века. Я думаю, он тогда был знаком и западным марксистам, во всяком случае, той их части, кто работал в диалоге с учеными СССР. К сожалению, иные на Западе «открывают» это положение вновь только полвека спустя и без ссылок на родоначальников...).

Возвращаясь к проблемам экологии, я могу предложить некоторую гипотезу: *чем более решительные и фундаментальные меры по решению экологических проблем (т. е. проблем снятия отчуждения человека от природы) нам требуются, тем дальше мы должны идти по пути социального разотчуждения: снятия рыночной конкуренции сознательным регулированием и солидарностью; погони за прибылью любой ценой – экологической ответственностью; геополитического соперничества государств – солидарностью международного гражданского общества...*

Я отнюдь не хочу создать у читателя впечатление, что «постепенные реформы и добрая воля экологически ответственных акторов» решат эту фундаментальную проблему. Отнюдь. К вопросу о коммунистической революции я еще вернусь. Но даже оставаясь в рамках эволюционистски-реформистского «дискурса», нельзя не заметить, что в современном мире экологическая проблема упирается в *проблему снятия социального отчуждения*.

И вот здесь мы переходим к ключевому вопросу: достаточно поставить проблему так, как она была сформулирована выше, чтобы тезис о борьбе за коммунизм приобрел вполне осязаемые и практически-актуальные черты. И не потому, что мы «переименовали» проблему. А потому, что мы ее «реформатировали»: *все частные вопросы сегодняшней социальной деятельности, направленной на снятие отчуждения, мы поставили в контекст проблемы «коммунизм», т. е. в контекст (1) единой (2) стратегии (3) снятия всех форм социального отчуждения как целого.*

Что следует из этих трех пунктов?

Многое. Причем хорошо известное, но большинством левых интеллектуалов «не замечаемое».

Во-первых, необходимость и актуальность *взаимоувязки всех форм социального противодействия всем формам социального отчуждения*. В той мере, в какой мы соединяем в единую сеть борьбу за сохранение природы и занятость; за социальные и гражданские права; за права мигрантов, молодежи и женщин (в той мере, иначе говоря, в какой феминисты и экологи выступают в поддержку требований студентов и профсоюзов, профсоюзы и студенты – пацифистов и мигрантов, пацифисты и ми-

²⁹ См. В. И. Вернадский о ноосфере. М., 1989. С. 42–43.

гранты – экологов и феминистов), – в этой мере *мы действуем по-коммунистически*. И такое действие уже давно и во многих случаях (хотя далеко не везде и не всегда) стало практикой.

Но это еще далеко не коммунизм даже в его самом исходном смысле. Это лишь одно из слагаемых коммунистически-ориентированной деятельности. Эта ориентация, во-вторых, связана с тем, что мы **все** локальные и реформистские по своим масштабам шаги увязываем со **стратегией разотчуждения**, социального освобождения. А это значит – измеряем (от слова *мера* – в единстве качественных и количественных параметров) наши шаги реальным продвижением к коммунизму (например, шаги по сокращению рабочего времени соизмеряем не просто с текущими проблемами условий продажи рабочей силы, а со стратегической задачей роста свободного времени как части проблемы освобождения труда).

В-третьих, стратегическая задача разотчуждения ставит все наши шаги по борьбе за социальное освобождение в контекст решения главной (и *революционной* по своей сути) задачи – *снятия отношений рынка, капитала, власти государства и других отчужденных политических сил, идеологии и других отчужденных форм духовного производства*.

Из этого не следует, что мы должны немедленно требовать уничтожить рынок или государство. Процесс их снятия революционен по сути, но может занять и займет длительный отрезок социального времени. Более того, он, очевидно, будет *нелинейен*, включая период реформ и контрреформ, революций и контрреволюций, решительных социальных атак и отступлений³⁰. Но он будет процессом генезиса «царства свободы», и с этой стратегической целью мы будем соизмерять конкретные шаги – реформы, революции, отступления и продвижения вперед. И эта мера (всякий раз конкретно-историческая) станет важнейшим стратегическим критерием для принятия конкретных тактических решений в самых разных ситуациях в самых разных странах

³⁰ О последних с вполне уместной ссылкой на Ленина хорошо пишет Жижек, правда, делая из этого неожиданный вывод о необходимости возврата к неким истокам коммунизма, а не к опыту 1917–1989-го (См.: Сл. Жижек. Указ. соч. С. 330.) Спору нет, опыт СССР требует своего критического анализа, но отступать (даже теоретически) далее к истокам бессмысленно и вредно: мы потеряем многое из того, что обрели. Простая аналогия с восхождением на гору и поиском обходных путей работает далеко не везде и не всегда. Да и ленинское «отступление» к нэпу было на самом деле продолжением логики выращивания социализма, намеченной еще до Гражданской войны и «военного коммунизма» в «Очередных задачах Советской власти» (о чем прямо писал сам Ленин), причем отступлением, критически учитывавшим, а не отбрасывавшим опыт «военного коммунизма». Та же логика уместна, на мой взгляд, и по отношению к опыту «мутантного социализма».

для самых разных проблем (от поддержки тех или иных форм экологических ограничений до курса на вооруженное восстание против фашистской диктатуры...).

Результирующим моментом этой борьбы становится *содействие гармоничному и свободному развитию личности в мире культуры*, понимаемой в этом случае не как «отрасль общественного производства», а как идеализация опредмеченного богатства коллективного человечества во всем его социопространственном и социовременном (историческом) измерении. При таком подходе станок как опредмеченная технология, а не как средство производства есть культура; природа как самоценность, как красота есть культура; художник как субъектное бытие творчества есть культура...

Свободное всестороннее развитие человека как критерий прогресса (сугубо марксистский, я бы даже сказал – марксистско-ленинский, ибо он настойчиво подчеркивался Ульяновым во всех его работах и даже партийных документах как высшая цель коммунистического движения³¹) ныне не принято даже упоминать. То ли потому, что, как известно (любому первокурснику-постмодернисту), прогресса нет и потому у него нет критерия. То ли потому, что нынешний то ли мультикультурно-, то ли фундаменталистски-ориентированный обыватель страшно далек от этого идеала. То ли потому, что этот идеал слишком жестко задает критерии для решения кажущихся чрезвычайно сложными и неопределенными проблем человеческого бытия.

(В свете этого критерия просто не значимы такие «величайшие» проблемы, как «тяга к смерти», или «одиночество», или еще какой-нибудь психопатологический выверт в стиле, в лучшем случае, Фрейда, в худшем – превратившегося в реальность голливудского ужастика...).

Марксистская теория личности (а я вырос на серии очень сильных работ по проблеме человека в теории Маркса³²) для меня всегда была не сумой рефлексий мучительно копающегося в своей [шизофренической?] психике и *принципиально-не-совершающего-социально-ответственных-поступков* интеллектуала, а проблемой мышления и действия, ответственности и выбора активного субъекта общественной деятельности. Проблемой, в какой мере и почему Ты [не] можешь брать на себя ответственность за организацию забастовки, которая с большой вероятностью потер-

³¹ Характерно в этом плане известное критическое замечание В. И. Ленина на Второй проект программы РСДРП Плеханова. Ульянов указывает, что будущее общество предполагает не просто планомерную организацию общественного производительного процесса для нужд как всего общества, так и отдельных его членов (вариант Плеханова), но организацию за счет всего общества и «для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития в с е х его членов» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 232).

³² Кроме уже упомянутых работ А. Леонтьева и Э. Ильенкова, а также коллективной книги «Проблема человека...», назову очень интересную коллективную работу «С чего начинается личность» (М., 1979).

пит поражение. Проблемой остаться на смерть в заслоне, прикрывая отход товарищей от фашистской атаки, или идти во главе отступающей группы (потому что Ты лучше других знаешь, как спасти отряд), оставив прикрывать ваш отход (оставив на верную смерть!) своего товарища...

Но не проблемой тяги к самоубийству после несколько большей, чем обычно, дозы «травки», не говоря уже о великой(!) проблеме гонорара или выбора одной из тысяч моделей нового автомобиля...

Я понимаю, что для большинства интеллектуалов Запада поставленные мной вопросы (в отличие от проблем гонораров или передозировки травки) не существуют. И, обращаясь к западному интеллектуалу, надо обсуждать волнующие его проблемы. Но это не проблемы генезиса коммунистической личности. Это проблемы деградации постмодернистского индивидуума. Конечно же, мы должны думать, как изменить внутреннюю жизнь такого индивидуума, но, повторю, это другая проблема

И потому мне лично было скучно читать «рефлексии» Жижека на фрейдистско-кафкианские темы, даже несмотря на то, что они выдержаны «в красном цвете». Скучно, ибо ни в России, ни в Западной Европе, ни в США, ни в Латинской Америке среди тысяч моих товарищей по социальному творчеству я не встречал никого, кто сколько-нибудь серьезно заморачивался бы проблемами самоубийства или реализации неудовлетворенной сексуальности: им некогда на эту ерунду тратить время (хотя они знают не понаслышке, что такое *реальная* угроза смерти и цена настоящей любви!). Перед ними стоит столько серьезнейших, мучительных стратегических проблем социального освобождения и столько очевидно требующих твоего немедленного *личного* вмешательства тактически-неотложных социальных практик...

Действительная проблема проблем Личности в коммунистическом контексте – это не проблема декадентствующего интеллигента. Это гораздо более сложная проблема *превращения обывателя в социального творца*. Обывателя в разных его ипостасях: Хама и Интеллектуала, Раба и Господина, Капиталиста и Пролетария (да, и пролетария тоже: в той мере, в какой наемный работник живет и действует как всего лишь частный собственник своей рабочей силы и потребитель-покупатель, в этой мере он обыватель).

Обыватель теоретически может быть определен как человек-марионетка, работающий над ним сил отчуждения и созданных ими правил, действующий в строгом соответствии с этими правилами. И если ты клерк, то ты должен каждую субботу заниматься шопингом, растить двух детей, заниматься любовью в соответствии с почерпнутыми из сериала рекомендациями, мечтать о выплате ипотеки за дом, двух (новых!) машинах и отдыхе на Гавайях. Если ты Левый Интеллектуал, то ты *не* должен стремиться к двум машинам и отдыху на Гавайях (а если все же стремиться, то в секрете от своих коллег), но должен любить Кафку и Достоевского, не любить Маяковского и Ленина (а лучше даже не знать вообще; как в СССР: я Пастернака не чи-

тал, но осуждаю...), покуривать (изредка) травку и размышлять о самоубийстве, но при этом не забывать жестко торговаться с издателем по поводу гонорара за новый текст.

В этой связи я с удивлением и радостью обнаружил у Жижека некоторые «рефлексии» в связи с проблемой выхода за рамки нравственно-правовых ограничений мира отчуждения³³. Жижек совершенно недвусмысленно и правомерно фиксирует жесткое и, я бы сказал, «дурное» противоречие, свойственное типичному западному обывателю. С одной стороны, терпимость к узаконенным и принятым моделям жизни и поведения меньшинств. С другой – абсолютная нетерпимость к нарушителям общепринятых правил: пользоваться легким наркотиком можно, но курить в общественных местах запрещено; ходить голым по пляжу пожилому жирному мужику можно (и едва ли не обязательно; на человека в купальном костюме смотрят с подозрением), а одеть в университет платье с декольте и туфли на каблуках красивой девушке категорически нельзя. Зато ходить на занятия в шлепанцах на босу ногу и меховой шапке можно.

И это не странности и глупости. Это характерный для «культурного капитализма» *тоталитаризм правил*, тоталитаризм институтов, жесткое подчинение жизни внешне заданным этико-правовым нормам (среди которых обязательная толерантность к меньшинствам и мультикультурность). Альтернативой этим псевдосвободам выступает другой вид институционального террора – фундаментализм. Противоречие этих двух сторон одной медали Жижек фиксирует достаточно четко. Но вот что дальше? Где решение парадоксов «мультикультурности» и однозначностей фундаментализма?

Решение подсказывает логика предыдущих рассуждений: гармоничное развитие человека в диалоге с другим человеком и культурой становится критерием для решения этико-правовых проблем. Это критерий для того, чтобы решать, закрывать или не закрывать лицо исламским женщинам, развивать или не развивать многоженство исламских мужчин, пропагандировать или нет европейскую «мультикультурность» и сексуальную толерантность. Критерий в этом случае задает не католическая, протестантская, православная, исламская, иудейская, буддистская или иная религия (т. е. отчужденная форма общественного бытия). Критерий задает мировая культура Человека, в которой любовь Лейли и Меджнуна так же несовместима с внешними ограничениями мира человека, как и любовь Ромео и Джульетты или чувства уходивших летом 1941-го добровольцами на фронт советских десятиклассников и десятиклассниц...

Этот критерий выступит против постмодернистского тоталитаризма безразличия-ограничения (дома – колись, в кафе не кури) и фундаменталистского диктата, зада-

³³ См.: Сл. Жижек. Указ. соч. С. 399.

вая общественный идеал Красоты, Истины и Добра, и он будет динамично, открыто жестким. Общество через открытый диалог, спор, полемику, но с последовательно проводимой стратегией будет активно (но не принудительно) содействовать движению к своему идеалу – к коммунизму. Востребованной обществом все больше может и должна становиться та культура, та этика, которые непосредственно включают Человека в процесс социального творчества, в процесс разотчуждения. И в этом процессе критерии этики и эстетики в главном будут совпадать: не случайно же А. М. Горький прямо сказал, что этика будущего – это эстетика.

При такой – коммунистической – постановке проблемы эстетика безобразия и деконструкции окажется врагом социального созидания. Она не поможет даже социальной критике, ибо сама несет (эстетическое) отчуждение. И этика абсолютного соблюдения внешних жестких правил окажется врагом разотчуждения, ибо любое правило должно восприниматься критически и соблюдаться только в той мере, в какой оно не противостоит делу социального освобождения. И в этом случае «этические» нормы, превращающие женщину в рабу семьи (паранджа или хиджаб лишь внешние проявления этого положения), равно как и «европейские» нормы сексуальной «раскрепощенности» окажутся *этически* неприемлемы с точки зрения... стратегии социального освобождения.

Я прекрасно понимаю, что эти строки вызовут у просвещенного западного интеллигента и их постсоветского адепта однозначную реакцию: вы предлагаете нового «старшего брата», который будет нас «учить жить», ограничивая свободу личности и творчества. Лишь две коротких реплики в этой связи:

Первая. Сегодняшний «культурный» капитализм и ставший тоталитарно-господствующим рынок³⁴ предельно жестко навязывает человеку набор ограничений и правил. Они формально объявляют отказ от каких-либо критериев «истины», «добра» и «красоты», но реально диктуют очень жесткий критерий: художественно, нравственно и научно все то, что содействует росту продаж и прибылей. И этот диктат подчиняет себе и «рядового» человека, и его творческого собрата жестче, чем любая сталинская цензура.

Вторая. Недвусмысленное выдвигание критериев прогресса (в том числе – эстетических и этических), в их связи с развитием человека и культуры предполагает не внешнее – партийно-государственное или тоталитарно-рыночное – их навязывание, а формирование социально-творческих, самими людьми (в том числе, самими художниками, учителями, учеными...) формируемых, свободных, но деятельностно-активных форм воздействия на общественное этико-эстетическое развитие. А что до

³⁴ Обоснование этого вывода содержится в нашей работе «Глобальный капитал».

практических форм такого воздействия – поинтересуйтесь хотя бы опытом организации художественной жизни Парижской коммуны...

Вот почему в завершение этого пассажа о коммунизме как практике я бы сформулировал довольно жесткий императив: *грядущая коммунистическая революция будет непосредственно не столько революцией против структур, сколько революцией против [тоталитаризма] правил* – против правил, обеспечивающих власть социального отчуждения и, прежде всего, гегемонию глобального капитала как высшую форму этой власти. Это будет революция, создающая возможность самим людям творить свою общественную организацию, «выращивать» коммунизм.

3. Коммунизм как теория (вместо заключения)

Так что же такое коммунизм?

Вернемся к Жижеку. Сама постановка этой проблемы, повторю, делает честь этому ученому. Но если же смотреть на проблему содержательно, то все становится гораздо сложнее. Для Жижека (и Бадью, на которого он прямо ссылается³⁵) коммунизм – это Идея (именно так, с большой буквы, как и Бог и многое другое неопределенно-многозначное – обязательно с большой буквы; я и то, как заметил читатель, заразился этим пристрастием к заглавным буквам у автора «Размышлений в красном цвете»). Идея, обращенная к «сингулярной универсальности» (на удивление четкое и, главное, любому понятное определение коммунизма³⁶). Эта Идея, однако, не есть нечто исключительно благожелательно-идеальное в духе «этического социализма». Это, скорее, Идея как то, что реально существует в постоянно продолжающейся борьбе, где (если я сколько-нибудь адекватно распредметил жижековские рефлексии по поводу Канта и Рорти, используемые им для прояснения понятия... коммунизм) индивидуальное становится универсальным, а человек обретает свободу: *«в мгновения энтузиазма каждый из нас свободен и принадлежит царству универсальной свободы человечества»*³⁷ (курсив мой – А.Б.).

Последняя фраза, на мой взгляд, наиболее важна, тем более, что она служит своего рода крещендо в диалогах Жижека с Кантом и Гегелем по поводу Великой французской революции (исходный импульс трактовки энтузиазма как главного в освобождении, даруемом революцией, принадлежит именно этим двум великанам немецкой классической философии). Здесь Жижек почти догадывается о ключевой связке *революционной энергии масс, «энтузиазма» (социального творчества, непосредственно проявляющегося ярче всего именно в энтузиазме), социального освобождения и коммунизма как единых (хотя и разноакцентированных) феноме-*

³⁵ См.: Сл. Жижек. Указ. соч. С. 330.

³⁶ Там же. С. 347.

³⁷ Там же. С. 350.

нов. Собственно говоря, я даже уверен, что Жижек прекрасно знает эту (ленинскую по своей основе) связку, но просто не хочет ее сколько-нибудь четко выразить.

Для этого не-выражения опять же есть основания: такая трактовка коммунизма была бы «старомодна». А Жижек и так чересчур (с точки зрения постмодернистских левых) «старомоден», поэтому (? – во всяком случае, мне так кажется) он и играет в коммунизм на чужом поле и при помощи чужого языка.

Но это как минимум ошибка: эта «игра» и этот язык оказываются небезобидны. Они подвигают автора «Размышлений...» к явному упрощению, когда он предлагает (опять же с косвенной ссылкой на Бадью) *четыре «инварианта» («концепта») коммунизма:*

- эгалитарная справедливость;
- дисциплинарный террор;
- политический волюнтаризм;
- вера в народ.

И все это инварианты, которые действовали со времен Платона, средневековых бунтов и дожили до якобинства, ленинизма и маоизма...³⁸

Конечно же, с точки зрения классического марксизма это утверждение *кажется* просто безграмотным неразличением очевидно различных идейно- и социально-революционных феноменов. Но я бы не спешил выносить приговор. Я бы здесь прочел иное.

Во-первых, выраженный в нарочито эпатажной форме (Жижеку вообще присуще стремление к эпатажу, причем часто никому не нужному), но принципиальный для автора «Размышлений...» акцент на дисциплине, действии, готовности к насилию, народности. Последнее, скорее, стремление противопоставить себя безвольно-

³⁸ «И тут мы подходим к самой сути вопроса. Одна из мантр постмодернистского левого движения гласит, что человеку необходимо отказаться от «якобинско-ленинской» парадигмы централизованной диктаторской власти. Возможно, сейчас настало время перевернуть эту мантру и признать, что сегодня левые нуждаются именно в некоторой дозе «якобинско-ленинской» парадигмы: сегодня, как никогда, мы должны настаивать на «вечной» Идее коммунизма (если использовать термин Бадью) или на коммунистических «инвариантах», «четырех фундаментальных концептах», которые действовали со времен Платона и средневековых бунтов и дожили до эпохи якобинства, ленинизма и маоизма: строгая эгалитарная справедливость, дисциплинарный террор, политический волюнтаризм и вера в народ. И эту матрицу не вытеснила новейшая динамика – постмодернистская, постиндустриальная, постакая-угодно. Вплоть до нынешнего времени, вплоть до текущего исторического момента эта вечная Идея действовала, как платоновская Идея, которая упорно возвращается вновь и вновь после всех неудач» (Сл. Жижек. Указ. соч. С. 366.)

конформистским (по отношению к «правилам цивилизованного общества», где разговоры о приоритете свободы индивида и демократии давно уже стали индальгенцией на социальную импотенцию) левым интеллектуалам, чем действительный призыв к организованному и дисциплинированному массовому субъекту будущей борьбы. В пользу *такого* понимания Жижера говорит абстрактность этих «инвариантов», нарочито не разделяющих политически и теоретически абсолютно разных Ленина и Мао (не говоря уже о Платоне), формы организации средневековых бунтов и «партию нового типа»... Но сама по себе постановка такой проблемы – уже большой плюс для «бытийствующего» в постмодернистской среде интеллектуала.

Во-вторых, за этими постулируемыми Жижером «инвариантами» для меня скрыто опять же эпатажное, но очень важное выражение старой доброй марксистско-ленинской идеи о *коммунистичности любой революции* как процесса социального освобождения и непосредственного творения истории массами. Именно это делает революции «праздником угнетенных» и «локомотивом истории». Упомянутый выше пассаж Жижера об энтузиазме, говорит о том, что я здесь скорее прав, чем не прав.

И еще один аспект, навязчиво проводимый Жижером через всю книгу: *противопоставление коммунизма и социализма*. Противопоставление, доведенное до вывода о том, что сегодняшняя и завтрашняя борьба – это борьба коммунизма не с капитализмом, а с социализмом.

Здесь опять же много от игры в парадоксы и афоризмы, но за ней скрыта принципиальная позиция: *реформистский взгляд на альтернативы глобальному капитализму устарел*. Называя «социализмом» опыты XX века (в том числе и советский опыт, который он, правда, в других местах обозначает как коммунизм), Жижек подразумевает под «социализмом» прежде всего частичное реформирование глобальной гегемонии капитала, причем реформирование, в ряде случаев идущее на пользу самому капиталу (например «финансовый социализм» как поддержка обанкротившихся спекулянтов за счет налогоплательщиков) или лишь камуфлирующее его господство (в формах «культурного», «бесконфликтного» капитализма).

В этом смысле Жижек прав, когда говорит о недостаточности социализма в первом смысле (социализма как практики СССР и других «социализмов»), образно указывая на то, что альтернативой миру отчуждения может быть лишь принципиально более масштабный сдвиг к «солидарному органическому сообществу», а не «эгалитарному коллективизму», что национал-социализм возможен, а национал-коммунизм – нет³⁹.

³⁹ «Именно в этом смысле Негри был прав, когда дал своему труду антисоциалистическое название «Прощайте, господин Социализм»: коммунизм должен противостоять социализму, поскольку последний вместо эгалитарного коллектива делает ставку на солидарное органическое сообщество; на-

(Я бы здесь вспомнил о скачке из «царства необходимости» в «царство свободы», а не только от капитализма к «социализму» как действительном масштабе перехода.)

Социализм во втором смысле – это реформы внутри капитализма, оттягивающие закат последнего⁴⁰. И критика этого реформизма Жижекком вполне уместна. Но опять же есть «нюанс»: есть реформы и реформы. Есть «финансовый социализм», отнимающий деньги у рядовых граждан и передающий их олигархам, проигравшимся в «казино-капитализме». Но есть и реформы, сокращающие рабочий день, развивающие общедоступное образование, содействующие снятию интеллектуальной собственности и т. п. Наконец, есть реформы, помогающие выращивать свободные добровольные работающие ассоциации и создавать предпосылки коммунистической революции...

Так чем же в результате оказывается коммунизм?

Для Жижека – «красноцветным взглядом» на проблемы современности (на английском книга называется «Reflection in a Red Eye»), эпатажным «концептом», акцентом на революционном, организованном и дисциплинированном, опирающемся на доверие к народу пути освобождения...

Для автора этих строк – скорее снятием классических марксистских положений о коммунизме в их развитии и критическом приложении к реалиям социально-

цизм – это национал-социализм, а не национал-коммунизм. Социалистический антисемитизм возможен, коммунистический нет.

(Если возникает видимость существования такового, как это было в последние годы правления Сталина, это лишь признак отхода от революционных принципов.)

Недавно Эрик Хобсбаум выступил со статьей, озаглавленной «Социализм провалился, социализм обанкротился. Что дальше?» (Сл. Жижек. Указ. соч. С. 338–339.)

«Как говорил Майкл Хардт, если капитализм отстаивает частную собственность, а социализм – собственность государственную, то коммунизм выступает за преодоление в коммунах собственности как таковой. Социализм есть, согласно определению Маркса, «начальная стадия коммунизма», на которой мы обретем лишь то, что Гегель назвал бы абстрактным отрицанием собственности, то есть отрицанием собственности в области, имея в виду «универсализованную частную собственность» (Сл. Жижек. Там же. С. 339.)

⁴⁰ Жижек в этой связи замечает: «Таким образом, название статьи, появившейся в номере Newsweek от 16 февраля 2009 года, «Ныне мы все социалисты» и ее подзаголовок «Во многих отношениях наша экономика уже походит на европейскую» в полной мере правомерны, если понимать их правильно: даже в США, которые являются бастионом экономического либерализма, капитализм ради спасения себя вновь порождает социализм» (Сл. Жижек. Указ. соч. С. 339.)

политической борьбы XXI века. Именно последнее показывает практическую актуальность постановки коммунизма в повестку дня для решения всех ключевых вопросов современной борьбы за «другой мир». Вопросы экологии и интеллектуальной собственности, «мультикультурности» и эксплуатации, субъекта социального творчества (движения или партии?) и стратегии борьбы – все они требуют рассмотрения сквозь призму «коммунистичности». И за постановку этой задачи и провокацию на дискуссию по этому вопросу я искренне благодарен Славою Жижкеу.

* * *

P.S. И еще одна благодарность словенскому ученому: этот текст я писал в бывшем советском санатории. В пространстве со старыми стенами, старым советским меню (на завтрак котлеты, макароны, вареные яйца, каша, много хлеба и скверный кофе...), старыми советскими (строго-ворчливо-заботливыми) сотрудниками... Писал в собственное удовольствие, на целых пять дней выключившись из балаганного фарса российского капитализма и драмы социальной борьбы российских левых. Писал, посвятив эти часы и дни чтению интересной книги и работе над важной проблемой, работе как отдыху и отдыху как работе...

В общем, спасибо товарищу Жижкеу за 5 дней коммунизма!

29 января – 2 февраля 2011 г.